

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/19996195/30/1

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ «ЯЗЫК» И «БЫТИЕ» В ФИЛОСОФИИ

И.В. Андреева

Аннотация. Бытие – это важнейшая категория философии, которая находит свое формальное выражение в языке. Поэтому соотношение категорий «язык» и «бытие» остается в центре научных интересов и лингвистов, и философов. В статье представлен обзор философских взглядов на соотношение категорий «бытие» и «язык», начиная с древнегреческой философии (Платон, Аристотель) и заканчивая современными аналитической философией, феноменологией и герменевтикой. Анализируются взгляды на язык крупнейших зарубежных и русских философов (И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г.Г. Гадамера, Л. Витгенштейна, А.Ф. Лосева и др.). Отмечается, что феноменология и экзистенциализм, аналитическая философия и герменевтика пришли в своих исканиях к раскрытию сущности языка как к задаче мышления. Делается вывод о том, что при всем многообразии взглядов на бытие в философии не отрицается существенная связь категории бытия с языком: в языке воплощается наше осознание бытия. Поскольку основным средством анализа сущности категории бытия и способом выражения представлений о бытии является язык (в том числе и в философии), обосновывается необходимость выделения языковой категории бытия (бытийности).

Ключевые слова: философия; бытие; язык; сознание; онтология.

Бытие – основополагающая категория человеческого существования и человеческого сознания. Наиболее яркое, концентрированное выражение вопрос о бытии получает в философии, являясь центральной проблемой этой науки. Решая вопрос о сущности бытия, философия в качестве средства анализа и выражения использует язык, следовательно, сфера языка – это та сфера, в которой понятие бытия обнаруживает себя формально.

В философии бытие – «категория, обозначающая прежде всего существование, бытие в мире, данное бытие» [1. С. 56].

Отражение бытия в языке, соотношение человеческого сознания, языка и реальности оказывались в фокусе внимания философии в самые разные периоды ее развития.

Понятие «бытие» возникает в философии в период становления, самоопределения этой науки и получает развернутое толкование у Платона и Аристотеля.

Основой онтологических воззрений Платона является выделение особого слоя реальности, который может называться бытием, – реальности эйдоса, идеи [2]. Выражение идеи бытия в словесно-логической форме суждения Платон находит в предикате. Любой предмет сначала существует, а потом уже является носителем свойств или деятелем. Бытие, по мнению Платона, – не просто предикат, но первый из предикатов, основа и источник предикации: «...для Платона бытие – не заурядный предикат, который присоединяется к понятию наряду со многими другими, а первопредикат, порождающий своим наличием мир иного и, следовательно, впервые разделяющий сущность и ее существование...» [3. С. 96].

Иначе решает вопрос о бытии Аристотель. Сущее (бытие) в понимании Аристотеля многообразно, но упорядочено. Основой упорядоченности бытия является понятие сущности – первого сущего, способного существовать самостоятельно и отдельно. Аристотель говорит о сущности в нескольких значениях: сущность – это отдельный, единичный предмет, сущность – это род, сущность – это общее, суть бытия вещи, сущность – это субстрат, или подлежащее [4].

Сущности – это начала, то, о чем говорится все остальное и что само ни о чем не говорится, ни к чему в высказывании не присоединяется, т.е. подлежащее, субъект высказывания. В высказывании, по мнению Аристотеля, или постулируется какая-либо сущность, или связываются сущности в сфере существования. «Пожалуй, можно сказать, что существование – самое общее из высказываемого обо всем, но “самое” будет обозначать здесь переход в иное качество: существование – условие связи сущностей. Отсюда ясно, почему “есть” может выполнять функции связки в суждении» [3. С. 94].

В главном и первичном смысле сущностью называется то, что всегда является субъектом, подлежащим и никогда предикатом, сказуемым. В этом тезисе заключается принципиальное отличие концепции бытия Аристотеля от позиции Платона, связывающего бытие с предикатом суждения.

Значительным этапом в осмыслении категории бытия стала немецкая классическая философия. В этот период произошло переосмысление предшествующих концепций бытия и были заложены основы нового подхода к данной категории.

Философия Иммануила Канта – это преимущественно гносеология, ориентированная на понимание человека с его познавательными способностями и чувственным опытом. Поэтому вопрос о бытии ставится Кантом только в связи с вопросом о совпадении бытия и мышления.

Кант предлагает понимать бытие и существование в границах эмпирической реальности. Быть, утверждает он, значит действительно или потенциально присутствовать в опыте. Существование – это

опытная данность, и как таковое оно принципиально не совпадает с мышлением [5].

Существование рассматривается Кантом в составе его таблицы категорий, где оно отнесено к модальным категориям. Кант отмечает, что категории модальности не расширяют значение предложения, к которому относятся, а лишь выражают отношение к способности познания. Каждый из трех видов модальности – возможность, существование, необходимость – дает свою характеристику высказываемому. Возможно то, что совпадает с формальными условиями опыта. Действительно (существует) то, что связано с материальными условиями опыта. Необходимо то, связь чего с действительным определена общими условиями опыта.

Существование как категория модальности определяет отношение предмета к субъекту познания, не касаясь содержания предмета. Следовательно, бытие, с точки зрения Канта, не может быть ни субъектом, ни предикатом суждения. Бытие как полагание вещи или каких-то ее определений, как отношение есть только связка в суждении.

Несмотря на то что категория бытия не является основной категорией кантовской философии, она получает у Канта оригинальное понимание в рамках гносеологии.

В философской системе Гегеля категория бытия является основополагающей. Бытие в диалектике Гегеля – тезис триады. Следовательно, как всякий элемент диалектической системы, бытие подчиняется законам развития триад. Эта категория сохраняется на всех уровнях развития идеи, обогащается на каждом этапе, проходя путь конкретизации, цель которого – доказать тождество бытия и мышления [6].

Таким образом, в системе Гегеля бытие является тезисом диалектической триады, абстрактным субъектом, получающим на каждом следующем этапе развития новый предикат: «Бытие уже тем, что оно есть бытие, порождает некоторое абстрактное поле, в котором происходит постоянное обогащение этого “скудного” понятия, пока оно не превратится в существование абсолютной личности» [3. С. 228]. Все тезисы всех триад диалектики Гегеля дают материал для определения и объяснения первотезиса, т.е. бытия, тождественного по своей сути Идеи. Следовательно, у Гегеля, как и у Аристотеля, бытие есть субъект, причем первый и всеобщий для всей диалектической системы.

В философии XX в. преодолевается кризис онтологии XIX в., вызванный преобладанием интереса к гносеологии, и увеличиваются удельный вес и число философских проблем языка. Это связано с развитием математической логики и разработкой метода формализации, становлением новых дисциплин – семантики, семиотики, математической лингвистики, кибернетики. Проблемы коммуникации и кризис оснований математики заставили ученых осознать, что любая проблема

прежде всего формируется в языке, поэтому его анализ – один из путей решения философских и научных затруднений. Информацию обо всем мире, эволюции человечества, системе человеческих отношений, законах природы хранит в себе язык.

Эдмунд Гуссерль – основоположник феноменологии – посвятил себя обоснованию человеческого знания, создавая науку о науке, «наукоучение». Хотя в феноменологических описаниях центральное место занимает не язык, а сознание, интересующая нас проблема соотношения языка и реальности получила в работах Гуссерля свое толкование.

Феноменология Гуссерля признает сознание, освобожденное от всех человеческих установок, наслоений, полаганием мира, реальность рассматривается только как коррелят сознания, производный от него: «Сознание, если рассматривать его “в чистоте”, должно признаваться замкнутой в себе взаимосвязью бытия, а именно взаимосвязью абсолютного бытия, в которую ничто не может проникнуть и изнутри которой ничто не может выскользнуть» [7. С. 4–5]. Мир (во всем его многообразии и целостности) дан мне через мое сознание, другому человеку – через его сознание и т.д. Гуссерль утверждает первичность сознания по отношению к миру. Ибо только сознанию можно приписать «безотносительность», «абсолютность». Ведь сознание может быть рассмотрено само по себе, а предметный мир может быть познан и понят только через посредство сознания и познания. Сознание обладает способностью осознавать и мыслить бытие. Язык связывается с бытием только через сознание, его интенциональность: каждое слово обладает «интенцией значения» (направленностью определенного звукового комплекса на конкретный предмет) [8].

Мартин Хайдеггер определяет свою философию как исследование Бытия. Исходным моментом осмысления всего сущего в работе Хайдеггера «Бытие и время» является человеческое существование, бытие человека, *Dasein*: «Когда бы человек ни раскрывал свой взор и слух, свое сердце, как бы ни отдавался мысли и порыву, искусству и труду, мольбе и благодарности, он всегда с самого начала уже обнаруживает себя вошедшим в круг непотаенного, чья непотаенность уже осуществилась, коль скоро она вызвала человека на соразмерные ему способы своего открытия» [9. С. 7]. Хайдеггер утверждает: ничто сущее, кроме человека, не знает о своей конечности, смертности, и потому только ему введома временность, а вместе с нею и само бытие. На вопрос «Что есть бытие?» человек отвечает собственным существованием, «присутствием», которое является прежде всего исполнением или обнаружением бытия.

Бытие раскрывает себя по инициативе самого бытия – к такому выводу приходит Хайдеггер. В центре внимания оказывается проблема языка. «Поскольку мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в

язык и никогда не сможем из него выйти, чтобы можно было обозреть его еще и как-нибудь со стороны, то в поле нашего зрения существо языка оказывается всякий раз лишь в той мере, в какой мы сами оказываемся в его поле, вверены ему» [9. С. 272].

Давая слово «языку как языку», Хайдеггер стремится найти путь к истине Бытия, истине забытой и потерянной. Техническое освоение мира и массовый характер существования разрушают бытие, люди забывают его, и оно отворачивается от них. Возвращение к корням, к изначальной истине бытия возможно потому, что хотя современность и «забыла бытие», оно все же живет еще в самом сокровенном лоне культуры – в языке: «Язык – это дом бытия». И нужно только научиться «прислушиваться» к языку, нужно позволить ему говорить, чтобы услышать «голос бытия». Хайдеггер так описывает раскрытие бытия языком: «Язык говорит, поскольку весь он – сказ, т.е. показ... Язык говорит, поскольку, достигая в качестве каза [умершее, но действенное слово: выставленное для показа недавно называлось “казовым”] всех областей присутствия, он дает явиться или скрыться в них всему присутствующему» [Там же. С. 266].

У Хайдеггера не люди говорят языком, а язык «говорит» человеку и с «человеком». Определяя язык как «дом бытия», Хайдеггер стремится именно в нем услышать «тихий голос бытия». Человек «хранит» бытие в своем языке, и потому он не «господин», не «творец» бытия, а его «хранитель», «пастырь».

Г.Г. Гадамер, определяя свой философский метод как герменевтику (искусство толкования, понимания текстов), придает ей онтологический статус: она есть не только понимание и интерпретация того или иного текстового материала, но познание и самопознание человека и человечества, толкование определенной культурно-исторической ситуации и человеческого бытия вообще [10].

Язык в герменевтике оказывается исходным и окончательным объектом исследования, как в письменном (текст), так и в устном (речь) виде. Процесс понимания является прежде всего событием языка и протекает в виде разговора, диалога людей. В разговоре возникает некое общее поле, относящееся к какой-либо части действительности. Задача собеседников – понять друг друга, воссоздавая «языковую реальность». Ведь в языке становится видимой та действительность, которая возвышается над сознанием индивида. Сам по себе языковой мир абсолютен, он включает в себя наше конкретное бытие и охватывает любые отношения, любое бытие, в какой бы связи эти сущности не представляли перед нами. Языковой опыт предшествует всему тому, что мы познаем и высказываем. Язык выступает как среда герменевтического опыта, в которой осуществляется понимание человеком мира.

Лейтмотив новейшей герменевтической онтологии состоит в том, что выражение «быть» означает «быть понятым в языке», а «быть по-

нятым» значит «быть истолкованным». Следовательно, философ должен заниматься только тем бытием, которое «ухвачено» языком.

В своей основополагающей работе «Истина и метод» Гадамер пишет: «Понимание основывается вовсе не на попытках поставить себя на место другого или проявить к нему непосредственное участие. Понять то, что нам говорит другой, означает <...> прийти к взаимопониманию в том, что касается сути дела... Теперь мы обращаем внимание на то, что весь этот процесс языковой. Недаром собственная проблематика понимания, попытка овладеть пониманием как искусством – а это и есть тема герменевтики – традиционно принадлежит сфере грамматики и риторики. Язык есть та среда, в которой происходит процесс взаимного договаривания собеседников и обретается взаимопонимание по поводу самого дела» [10. С. 446–447].

Таким образом, язык у Гадамера является тем пространством, где осуществляется понимание человеком человека, а также понимание человеком бытия: «Основополагающая связь между языком и миром не означает, что мир становится предметом языка. Скорее то, что является предметом познания и высказывания, всегда уже окружено мировым горизонтом языка» [Там же. С. 452].

В аналитической философии развиваются наработанные в прежние века идеи и методы анализа человеческого опыта в тесной связи с исследованием языка, в котором выражается и осмысливается этот опыт. Характерная черта аналитического стиля философствования – детальный анализ языка (с учетом новейших достижений логики и лингвистики) с целью решения философских проблем.

Г. Фреге, анализируя роль языка в выражении логических понятий, приходит к выводу, что глагол *быть*, передающий в суждении значение бытия, выступая в роли связки, имеет три смысла: 1) «есть» предикации («Сократ – мудрый»); 2) «есть» тождества («Сократ – человек»); 3) «есть» существования («Сократ существует») [11].

Б. Рассел также считает основой анализа бытия не естественный, а формально-логический язык. Он проводит различие между атомарными и молекулярными высказываниями. Существуют простые объекты и неразложимые имена, которые обозначают объекты. Элементарные, или атомарные, предложения содержат лишь имена. Структура элементарного предложения в точности соответствует структуре элементарного факта. Молекулярные высказывания строятся из атомарных при помощи того, что Рассел называет связками (таких слов, как «и», «или», «если... то»). Например, молекулярное высказывание «Джон и Мэри собираются в кино» состоит из двух частей, каждая из которых сама есть высказывание: а) «Джон собирается в кино» и б) «Мэри собирается в кино» [Там же].

Предполагается, что здесь представлен набросок совершенного языка; этот язык совершенен, поскольку он логически отражает структуру действительного мира. Логические атомы действительности (факты) находят выражение в атомарных предложениях языка. Логический анализ структуры языка дает философу познание структуры мира.

Тезис о взаимно-однозначном соответствии языка и действительности находит наиболее яркое воплощение в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. Концепция Витгенштейна нацелена на решение единой задачи – формирование навыков и приемов корректного соотношения двух «миров» – вербального и реального, речевого разума и реалий мира (событий, вещей) [12].

«Логико-философский трактат» раскрывает мысль Рассела о том, что логика есть сущность философии. Витгенштейн пытается найти предельно ясную модель знания – языка и общую форму его основной «ячейки» – предложения.

Предложение осмысливается в «Трактате» как универсальная форма логического представления («изображения») действительности.

Концепция «Трактата» базируется на трех положениях: предметные термины языка толкуются как имена объектов действительности, элементарные высказывания – как логические картины простейших ситуаций (конфигураций объектов), сложные высказывания – как логические комбинации элементарных предложений, соотношенные с фактами. Совокупность истинных высказываний в результате мыслится как картина мира.

Согласно «раннему» Витгенштейну, язык есть «проективное изображение» реальности: «Граммофонная пластинка, музыкальная тема, нотная запись, звуковые волны – все они находятся между собой в том же внутреннем отношении отображения, которое существует между языком и миром» [Там же. С. 14]. Граммофонная пластинка и звуковые волны – элементы реальности; музыкальная тема и нотная запись – элементы языка. У Витгенштейна нет идеи, что они онтологически противоположны друг другу. Для него язык является отражением реальности, построен изоморфно по отношению к реальности, элементы языка и реальности взаимно отражают друг друга.

Язык для философов XX в. оказался реальностью, скрывающей тайны бытия. Феноменология и экзистенциализм, аналитическая философия и герменевтика пришли в своих исканиях к раскрытию сущности языка как к задаче мышления. Онтологические взгляды западноевропейских ученых XX в. нашли отражение в некоторых лингвистических концепциях, в частности в лингвопрагматике, генеративной и функциональной лингвистике, психолингвистике.

Проблема соотношения бытия и языка в русской философии XX в. нашла наиболее яркое отражение в работах А.Ф. Лосева. Этот

философ рассматривает слово и имя в контексте православно понимаемого неоплатонизма, используя в своем анализе феноменологические методы и основываясь на диалектическом понимании действительности. Система А.Ф. Лосева, развиваемая в «Философии имени», сводится к одной фразе: «мир как имя»: «И вот рассмотреть его [мир] как имя я и дерзаю в этой книге» [13. С. 20].

Лосев отталкивается от тезиса о том, что мышления не существует без слов. Значит, говорить и мыслить о бытии вне слова, имени невозможно: «То, что необходимо конструируется в мысле-слове как неизбежный результат его саморазвития, то и есть само бытие» [Там же. С. 215]. Можно сказать, что без слова нет вообще разумного бытия, осмысленной встречи с ним: «В слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия... Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человечески-разумного, так и всякого иного человеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [Там же. С. 33]. Следовательно, слово, по Лосеву, часть бытия, сама вещь, понятая в разуме.

Наиболее соответствующим природе слова А.Ф. Лосев считает определение его как смысла – понимаемой, «разумеваемой» сущности. Ведь выше слова на земле не существует вещи более осмысленной, «дойти до слова и значит дойти до смысла» [Там же. С. 161]. Поскольку имя, слово – это сущность, то и «весь физический мир, конечно, есть слово и слова, ибо он нечто значит, и он есть нечто понимаемое» [Там же. С. 66]. Мир понимается Лосевым как совокупность разных степеней жизненности или «затверделости» слова, все бытие – то более мертвые, то более живые слова. «Мир – разная степень бытия и разная степень смысла, имени. Мир – разная степень слова» [Там же. С. 156]. Высшая степень словесности связана с Богом и человеком с их мышлением и интеллигенцией (самопознанием). Чем ниже спускаемся по «космической лестнице», иерархии бытия, тем более мертвым и застывшим становится слово (от Бога и человека – к животному миру с ощущением, растительному миру с раздражимостью и миру физических вещей, лишенных способности мышления, осознания и самосознания). Чем меньше способность к осознанию себя, тем меньше смысла в бытии и тем мертвее слово, осознающее это бытие. Ведь «быть» – значит ощущать себя как нечто сущее, ограничивать себя от неона – другого сущего, знать себя и знать окружающее сущее, и в итоге выражать свое понимание бытия в имени.

Таким образом, принимая тезис о тождестве бытия и мышления и неразрывной связи мышления с языком, А.Ф. Лосев трактует бытие как слово, а слово как бытие. Слово – необходимое условие человеческого существования, человеческого общения и человеческого взаимодействия со всем миром.

Подводя итог обзору философских взглядов на категорию «язык», отметим следующее:

1) при всем многообразии взглядов на бытие в философии не отрицается существенная связь категории бытия с языком: в языке воплощается наше осознание бытия;

2) основным средством анализа сущности категории бытия и способом выражения представлений о бытии является язык (в том числе и в философии), поэтому «сфера языка – эта та сфера, в которой понятие бытия обнаруживает себя формально» [14. С. 33]. Следовательно, категория бытия объективно может рассматриваться как языковая категория (бытийность). Под языковой категорией бытийности мы, вслед за В.В. Востоковым, понимаем «выраженное средствами языка значение существования в действительности предметов, процессов, признаков, явлений» [Там же. С. 41]. Указанная языковая категория является предметом наших научных интересов, ее исследование далеко не завершено [15].

Литература

1. *Философский* энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
2. *Платон*. Собрание сочинений : в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. (Серия «Философское наследие»). М. : Мысль, 1990–1994.
3. *Доброхотов А.Л.* Категория бытия в классической западноевропейской философии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 248 с.
4. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. (Серия «Философское наследие»). М. : Мысль, 1975–1983.
5. *Кант И.* Сочинения в шести томах. М., 1964. Т. 3. 799 с.
6. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. (Вступ. ст. и ком. Ю.Р. Селиванова). М. : Академический Проект, 2008. 767 с.
7. *Гуссерль Э.* Идеи чистой феноменологии. М. : АСТ, 1994. 540 с.
8. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. 743 с.
9. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М. : Республика, 1993. 445 с.
10. *Гадамер Г.Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 699 с.
11. *Козлова М.С.* Философия и язык. М. : Мысль, 1972. 256 с.
12. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М. : Гнозис, 1994. 520 с.
13. *Лосев А.Ф.* Философия имени. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. 269 с.
14. *Востоков В.В.* Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке. Арзамас : Изд-во АГПИ, 2000. 284 с.
15. *Тихонова И.В.* Семантико-синтаксическое поле бытийности в прозе Л. Андреева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.

THE CORRELATION OF THE CATEGORIES «EXISTENCE» AND «LANGUAGE» IN PHILOSOPHY

Andreeva I.V. PhD., Associate Professor, Russian Language and Methods of Teaching, History and Philology, Arzamas branch of the N.I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University (Arzamas, Russia). E-mail: andreev-vn-arz@yandex.ru

Abstract. Existence is the most important category of philosophy, which finds its formal expression in the language. That is why the correlation of the categories «existence» and «language» remains in the center of scientific interest of linguists and philosophers. In the article the author presents the overview of philosophical views on the correlation of the categories «existence» and «language» since ancient Greek philosophy up to modern analytical philosophy, phenomenology and hermeneutics. The author analyzes the leading foreign and Russian philosophers' (I. Kant, G.W.F. Hegel, E. Husserl, M. Heidegger, H.G. Gadamer, L. Wittgenstein, A.F. Losev) views on language, gives proofs of necessity of language category of existence allocation. It is noted that phenomenology and existentialism, analytic philosophy and hermeneutics came in their research to reveal the essence of language as to the task of thinking. It is concluded that, with all the variety of views on the existence of a philosophy the substantial connection between the category of existence and language is not denied: language is embodied in our awareness of existence. As a language is the primary mean of analysis of the essence category of existence and a way of expression of ideas about existence (including philosophy), it is necessary to mark out the language category of being existence.

Keywords: philosophy; existence; language; mind; ontology.

DOI 10.17223/19996195/30/1